

Дон-Жуанский список Пушкина

Мой собеседник стар, ему уже идет девятый десяток. Но еще множество замыслов томит его. Бывший московский профессор, писатель, литературовед, бывший эск, вышедший из Шекснинского лагеря в годы хрущевской оттепели, Виктор Азриэлевич Гроссман, уже навсегда поселившийся в Вологде, написал роман о Пушкине «Арион», множество литературных этюдов, но все новые и новые планы возникают у него.

— Вы знаете, Владимир Иванович, я хотел бы написать книгу под названием «Дон-Жуанский список Пушкина». Но мне нужно опереться на молодое плечо. Не пойдете ко мне в соавторы?

Признаться, такая идея мне кажется несколько сомнительной, и я уклоняюсь от ответа. Правда, говорю ему:

— Виктор Азриэлевич, но ведь такая книга есть — Губер, «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина».

— Верно, но она вышла еще в начале двадцатых годов, очень устарела. Притом книжка ведь опальная, выброшена из литературы. Кто ее читал? Единично...

• • •

Примерно такой проходил у нас разговор уже в далеком прошлом, более двадцати лет назад.

В наше время опала с книги писателя и литературоведа П. Губера снята, книга переиздается, имеется во всех библиотеках. А вместе с тем с тридцатых годов она считалась чуть ли не «клеветнической», порочащей честь гения русской литературы.

Ее автор Губер был репрессирован, книга была в литературоведении единодушно осуждена. Но если взглянуть на нее сегодня спокойно, не предубежденно, то сразу становится очевидно — в книге нет ничего клеветнического и позорящего Пушкина.

Может быть, только некоторые моменты из разгульной жизни молодого Пушкина приводить не стоило. А в целом это — страницы личной жизни в биографии поэта, своего рода почти научное исследование, которое для массового читателя (и тем паче любителя «клубнички») даже мало интересно, так сказать, слишком «научнообразно». Но безусловно, в основу книги положены любопытные факты.

Конечно, автор давал характеристику Пушкину с несколько иной позиции, совершенно не соответствующей понятиям внешне пуританской советской морали, но ничего плохого он о поэте не сказал. Напротив, Губер, говоря о личной, интимной жизни Пушкина и опровергая точку зрения некоторых современников поэта, винувших его в разврате, писал: «Не подлежит спору, что в эротическом отношении Пушкин был одарен значительно выше среднего человеческого уровня. Он был гениален в любви, может быть, не меньше, чем в поэзии. Его чувственность его пристрастие к внешней женской красоте всем бросались в глаза. Но одни видели только низшую, полуживотную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маскою фавна. Нужно ли добавлять, что эти последние наблюдатели были гораздо ближе к подлинной правде».

П. Губер стоял именно на той точке зрения, что Пушкин был гениален и в любви. Что же в этом «клеветнического»?

Предметом анализа П. Губера стал так называемый «Дон-Жуанский список» Пушкина, который поэт написал в альбом Елизаветы Ушаковой. Это было зимой 1829—30 годов. Пушкин часто бывал в гостеприимном доме Ушаковых и ухаживал за сестрами Екатериной и Елизаветой. Видимо,

Екатериной, замечательной, умной и серьезной девушкой, питавшей глубокие чувства к нему, он одно время был увлечен весьма серьезно.

Но вскоре пришла его главная любовь — к Натали Гончаровой.

А отношения с сестрами Ушаковыми у поэта оставались дружескими. И вот однажды, полусерьезно, Пушкин, как пишет Губер, «набросал в альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой длинный список женщин, которых любил в былые годы. Этот перечень в специальной пушкинской литературе получил название Дон-Жуанского списка».

В нем тридцать четыре женских имени. Следует сразу оговориться: это имена женщин, среди которых не все имели любовные отношения с Пушкиным. В список занесены те, кого он любил, в том числе безответно, и кто оказывал на него серьезное влияние, к кому он испытывал по-настоящему сильные чувства. И в этом списке на четвертом месте (это означает ранний, вероятно, петербургский период жизни) стоит зашифрованное двумя Н. (буквы латинские) имя какой-то незнакомки.

Вот эта таинственная любовь поэта и стала героиней многих споров пушкинистов. Кто она? В пушкинистике существует версия, что в жизни Пушкина была какая-то утаенная любовь, которую он тщательно скрывал, но она прошла сквозь всю его жизнь. В честь ее, неназванной, написаны многие гениальные стихи. Такой претенденткой разные исследователи называли и Марию Раевскую-Волконскую, и Елизавету Воронцову, и княгиню Голицыну, и других. Чаще всего называлось имя Марии Раевской-Волконской, доказывалось, что именно она явилась адресатом многих известных

стихов поэта. Эта версия широко распространилась в литературе.

Но Губер еще в двадцатые годы усомнился в этой версии. И в своей книге вполне убедительно ее опроверг. Но если это не Мария Раевская, то кто же?

Губер считает, что утаенной любовью, прошедшей сквозь судьбу и творчество Пушкина, была Наталья Кочубей, дочь министра внутренних дел, с которым поэт познакомился, будучи еще лицеистом. Считается, что ее облик в какой-то мере запечатлен в знаменитом образе Татьяны Лариной. Должна была Наталья Кочубей войти и в ненаписанный роман «Русский Пелам».

Но, выдвинув свою версию о Наталье Кочубей, Губер не был вполне доказателен, и она в пушкинистике не закрепилась. В последние годы появились другие, более убедительные версии об утаенной любви поэта, но все это предмет для особого разговора.

На сегодняшний день можно сказать лишь одно — книга «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина» реабилитирована и вполне справедливо вновь вошла в нашу литературу.

• • •

А Виктор Гроссман свою книгу с совсем иным толкованием, чем Губер, так и не написал.

Любопытным мне представляется и тот факт, что в соседней с Гроссманом квартире вологжан Рачовых была обнаружена редкая старинная картина, изображавшая дуэль Пушкина с Дантесом (или копия с нее). Картину искали по всей стране, а обнаружили в Вологде, рядом с квартирой старого пушкиниста Гроссмана.